Воспоминания о Михаиле Великанове *Владимира Усова*, заслуженного работника культуры Российской Федерации, лауреата премии Союза журналистов СССР.

Это «к завтраму» не заживет...

Был тихий солнечный теплый майский день. Здание редакции районной газеты, в которой я тогда работал, стояло на высоком берегу Сожа. В обеденный перерыв я часто выходил к реке, чтобы отвлечься от суетных редакционных дел, спокойно порассуждать с собой о предстоящих материалах. Я сидел на взгорке и думал: «Сколько же повидала эта река добра и зла? Добро ласкает душу, а зло ее ранит...». Только что опубликовали мою статью о массовых расстрелах в районном поселке во время Великой Отечественной войны. Не щадили гитлеровцы ни старых, ни малых. Я так задумался, что от неожиданности вздрогнул, когда услышал за спиной: «Здравствуйте, Владимир Васильевич».

Я обернулся. Передо мной стояли юноши-восьмиклассники: Миша Великанов, сын зам. председателя райисполкома Ивана Максимовича Великанова, и его дружок, тоже Миша. У обоих были лица поцарапаны, в кровоподтеках. «Что с вами?» - спросил их. Ответил Мишин знакомый: «Да вот, на меня куча-мала налетела, а Великанов заступился, по справедливости, говорит, надо решать. Отбились».

В это время к нам подошла ватага подростков с явным намерением отомстить двум Михаилам. Я почти всех их знал, они у меня в футбольной секции занимались. И я им сказал: «А ну, ребятки, садитесь в кружок и обсудим, как нам завтра играть с починковцами, команда у них сильная». Послушались. За разговорами произошло и примирение враждующих сторон. Но я пожурил ватагу: «Как же вам не стыдно нападать толпой на одинокого сверстника? А Великанов молодец. Не побоялся ваших множества кулаков. С таким можно идти в разведку — не подведет».

Потупили от стыда взоры недавние «герои». А с Великановым у меня состоялся разговор на другую тему: «Слышал, что ты пишешь стихи. Заходи завтра в редакцию, почитаем...».

Но ни завтра, ни послезавтра он не пришел. Мне стало ясно: стесняется. Скромность не покидала его всю жизнь. И через всю жизнь он пронес благородное качество: всегда и во всем быть самому справедливым и бороться за справедливое отношение к людям.

... Миша пошел к реке, помыл лицо и молвил: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет». Конечно, я знал это стихотворение Сергея Есенина. И, чтобы поддержать молодого человека, продолжил:

И навстречу испуганной маме

Я цедил сквозь кровавый рот:

«Ничего! Я споткнулся о камень...»

Миша сразу взбодрился:

Все живое особой метой

Отмечается с ранних пор.

Если не был бы я поэтом,

То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,

Средь мальчишек всегда герой,

Часто, часто с разбитым носом

Приходил я к себе домой.

«Так вот, приходи завтра же ко мне». Не пришел. Через несколько дней, после тренировки на стадионе, я всё же затянул его к себе домой. Читали стихи запоем. Миша знал многих поэтов от и до. Но самыми любимыми оказались Сергей Есенин и Евгений Евтушенко, Владимир Высоцкий.

У него, в то время совсем юного, уже был хорошо поставленный голос. Как сейчас вижу: он встал, поднял правую руку, глаза заблестели и,

уже не стесняясь меня и жены, но все-таки взволнованно (потом оказалось: он всегда с волнением читал хороших поэтов) начал:

Край любимый!

Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

И концовка этого стихотворения:

... Все встречаю, все приемлю,

Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

Я тогда сказал: «Миша, не надо читать тебе это стихотворение. Его Есенин написал в молодости, в 1914 году. Вряд ли он тогда уже хотел покинуть эту землю. Ведь намного позже, в 1925-м, он написал знаменитое стихотворение «Неуютная жидкая лунность»:

... Мне теперь по душе иное...

И в чахоточном свете луны

Через каменное и стальное

Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия!

Довольно

Волочиться сохой по полям!

Нищету твою видеть больно

И березам и тополям...

Есенин верил в счастливое здоровое будущее России». Я ждал, что он скажет. И он сказал, не задумываясь, с твердым убеждением: «Я

абсолютно согласен. В его стихах всегда звучит искренность и справедливость».

Искренность и справедливость... Это стало главным правилом, главной путеводной звездой его жизни. Подчеркну – с юных лет. Он рос, воспитывался в семье, где справедливость и искренность были на первом плане, так сказать, – в почете. Мама, Александра Стефановна, работала в государственном страховом агентстве, всегда находилась среди людей и делала им только добро. Отец, Иван Максимович, партийный, советский работник, инвалид Великой Отечественной войны, был всегда предельно честен и справедлив, терпеть не мог невнимательного отношения к доброму человеку. Я много поездил по Хиславичскому району с ним и видел, как он возмущался, когда встречался с бюрократом или хапугой, безразличием чиновников к нуждам людей различных возрастов. При возвращении в районный центр, поселок Хиславичи, он нередко просил остановить машину и предлагал мне: «Давай немного побудем на свежем воздухе». И шел, припадая на израненную в войну больную ногу. Молча. А я чувствовал: внутри у него всё кипело. И он взрывался, в конце концов: «Не могу видеть хамство. Взял бы пистолет и перестрелял в районе прижившуюся нечисть».

А пистолет у него действительно дома имелся. Именной. Забегая вперед, скажу: Миша в одно прекрасное время разыскал этот пистолет и сдал в соответствующие органы. Как-то я спросил, почему он отнес оружие. «Да мы с соседом-дружком стрелять из него стали, и мама попросила, чтоб от греха подальше, сдать пистолет».

... В тот вечер чтения стихов я долго упрашивал Мишу прочитать что-то свое, он отнекивался. Наконец, прочитал одно стихотворение «У Черной речки» о дуэли между Пушкиным и Дантесом. Мне запомнились строки о допросе царем А. С. Пушкина. Монарх допытывался у поэта, что бы тот делал, если бы был в столице во время восстания декабристов.

«Ты вместе с ними шел бы драться?» - «Да, непременно, государь», -

ответил поэт, как всегда, честно. Так уже тогда, в годы юности, не мог кривить душой Михаил Великанов, ибо он вложил в слова поэта то, что сам думал: именно таким должен быть справедливый ответ. И говорил всегда то, в чем был уверен.

Я увидел в его юных стихах искренность и свежесть, тягу к правдивости. Для районной газеты отображение правдивой жизни имеет большое значение, вызывает доверие у читателей. И я попросил Мишу писать в газете о том, что его волнует и о тех, кого он знает. Так стали в районной газете появляться информации, корреспонденции Великанова о разнообразной жизни населения района.

И ему было что рассказать, так как в летнюю пору он работал на сельских стройках - этот единственный сынок у родителей. Да, Миша не чурался трудностей.

И когда после окончания десятилетки стал работать корреспондентом райгазеты, то рвался всегда в командировки. Ездил на перекладных, на попутных машинах и частенько преодолевал немалые расстояния пешком. В дождь, мороз, метель.

Помнится такой зимний день. Дороги замело - как говорят, ни проехать, ни пройти. Но я и Миша решили пробраться в колхоз, в котором, несмотря на морозы и метели, хорошо организовали приготовление и доставку на фермы кормов, добивались хороших удоев от коров, высоких привесов скота. А тут и день утром выдался солнечный, веселящий. Мы выпросили в райисполкоме не ахти какую сильную, но резвую кобылку. Я стал показывать юному другу умение запрягать лошадей, ведь детство и отрочество прошли у меня в деревне.

Когда лошадь была в оглоблях (сказать по-крестьянски, «под дугой»), я спросил у Великанова: «Всю премудрость понял?» «Вроде бы, да», - ответил он. - «Тогда распрягай, а потом запрягай сам». Миша оказался смышленым и запряг правильно, только хомут засупонить забыл. И мы долго смеялись.

Поехали. Мороз не спадал, наоборот усиливался. Мы начали зябнуть. Решили пройтись за санями. И лошадка наша пошла порезвее. Но не знали мы ее нрав. Стоило нам приблизиться к саням, как кобылка переходила на трусцу. Мы прибавляли - следовала уже рысь. Я выбился из сил, а Миша все бежал. В попутной деревне переходившая улицу женщина увидела пустые сани и бежавшего за ними человека. Сообразив, что к чему, она схватила лошадь за узду.

Но на этом наше приключение не закончилось. Побеседовав с председателем колхоза, зоотехником, мы зашли в гости к передовой, доярке. Когда вышли от нее, то были ошарашены: лошадь распряжена, сбруя разбросана. Стали искать. Нашли дугу вдали от дома, седелку закопанной в снегу, а хомут — посреди проезжей дороги. Явно в насмешку: что же вы теперь будете делать, корреспонденты?

Мы собрали упряжь, все живо. «Запрягай, — сказал я Мише. — Тренируйся». Он сделал все как надо, и мы поехали. Но не зря в народе говорят: «Если к вам черт привязался, то долго будет насмехаться». Верстах в пяти от деревни разогнулся металлический крюк, за который прицеплялась оглобля. А тут еще начался норд-вестовый ветер.

- Плоховато наше дело сказал я.
- Почему? спросил мой напарник.
- Потому что этот ветер принесет с Балтийского моря метель. А после затишья она всегда бывает «бешеной». Я снял с брюк ремень, привязал им оглоблю. Поехали. Однако недалеко ремень лопнул. Как назло налетела метель. С липким снегом. Ни зги не видать. И кругом ни души. Обошли лошадь, упряжку, соображая, что можно сделать... И тут, словно в сказке, вылетает возок, в нем люди с гармошкой и песнями. «Ба, Владимир Васильевич, подходит ко мне знакомый механизатор. Что тут у вас стряслось?»

Объяснил. «Тьфу, – присвистнул механизатор. – Было б горе, такое мы за пояс заткнем». Откуда-то из возка он вытащил топор, загнул крюк,

прицепил оглоблю. Но через версту крюк у нас не согнулся, а совсем сломался.

«Давай теперь ты свой ремень», — сказал я Михаилу. Нам удалось выехать на большак, тут и его ремень порвался. «Не страшно, — успокоил меня Миша, — эта лошадь хорошо помнит дорогу домой. Надо только чемто оглоблю привязать». Он деловито отвязал вожжу, и ею мы прикрепили злополучную оглоблю.

Теперь мы успешно доехали до райцентра, и за узду провели лошадь до райисполкома. Сторож сказал нам, что сам распряжет кобылу и сена подбросит.

Вот одна лишь командировка. А было их немало. И, как всегда, съездив или сходив, близко ли далеко ли, ради нескольких строчек в газете, журналисты со своими проблемами оставались «за кадром». Миша никогда не подавал даже виду, что ему трудно. Всегда был оптимистичен. В 1968 году его пригласили в областную газету «Смена» литсотрудником. И здесь он хорошо себя проявил, и во время службы в армии не ударил в грязь лицом. Его, примерного солдата, перевели в политотдел одной армии Ленинградского военного округа. Ему очень пригодилась та закалка, которую он получил на работе корреспондентом. Приходилось ездить в командировки в Мурманскую область, добираться на погранзаставы в карельских лесах, днем и ночью. Но задания командования он всегда выполнял вовремя. Тому свидетельством служат полученные им похвальные грамоты командиров разных рангов.

Так случилось, что мы одновременно отсутствовали в Смоленской области. Великанов служил в армии, а я учился в Москве, в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, после которой работал заведующим отделом пропаганды областной газеты «Рабочий путь». Вскоре в Смоленск приехал Михаил и вновь стал трудиться в «Смене» заведующим отделом. Потом мы оказались в одном кабинете: его утвердили корреспондентом отдела партийной жизни «Рабочего пути». Заведующим у него был

человек исключительно честный, принципиальный, фронтовик, инвалид войны, бывший репрессированный, но восстановленный в партии и гражданских правах С. С. Козлов-Куманский.

Журналист Великанов пришелся Сергею Сергеевичу по душе. Он так же, как и его завотделом, главным принципом в деятельности СМИ считал честность, справедливость, служение интересам трудового народа.

Надо сказать, что критику, возражения начальству у нас во все времена в чиновничьих кабинетах не любили. А Великанов, помимо статей, очерков о доброте человеческой, положительном опыте, нередко выступал с критикой и был прямолинеен и остер на язык.

Его частенько вызывали на этаж повыше (как тогда говорили, «на ковер»). В такие часы Козлов-Куманский, переживая, поджидал подопечного, прохаживался по коридору. Его не вызывали «на ковер», знали: ответ будет безапелляционный.

Я был свидетелем, когда Козлову-Куманскому позвонил заведующий ведущим отделом обкома партии и начал отчитывать за «неправильную критику». Сергей Сергеевич слушал-слушал, а потом спокойно так говорит: «А вы меня не пугайте, я — пужаный... Стоп-стоп, — и повысил голос. — Вообще, с такими чиновниками-бюрократами разговаривать считаю ниже своего достоинства».

И положил трубку. В большом кабинете нас сидело шесть человек, все молчали.

Великанов, чтобы как-то разрядить обстановку, взял подготовленный к печати материал и отнес его на стол заведующему. «Подожди, Миша, дай успокоиться, — произнес заведующий. — Ты ведь тоже уже с подобным хамством встречался».

Да, с партийным прессом Великанов не раз сталкивался. Однажды в шаге был от рокового момента — снятия с должности редактора. Он перепечатал в «Смене» из болгарского журнала статью о Владимире Высоцком. Начальник обллита эту статью счел непозволительной и в

последний момент «в свет» газету не подписал, потребовал «снять». Великанов с ним не согласился и не снял статью. Но газета не вышла. По тем временам это было ЧП. Требовалось дать объяснение в Москву. Редактора «Смены» вызвали в обком партии. Он стоял на своем. Тогда попросили меня, чтобы я, старший товарищ, повлиял «на строптивого». Кабинетный разговор ничего не дал. Когда мы вышли в коридор, я сказал Михаилу: «Лбом стену не прошибешь. Придется пойти на компромисс, иначе окажешься безработным. А статью – придет время – напечатаешь». Он послушался. Вот на что намекнул Козлов-Куманский. Сам же продолжал выходить в коридор, потому что так называемая «перестройка» не ужесточила требования к чиновникам всех мастей — работать лучше, а развязала им языки — жаловаться на журналистов. Когда Миша возвращался «с ковра», Сергей Сергеевич встречал его известными словами Н. А. Некрасова: «Сбирается в хате моей все больше и больше народу, ну, говори поскорей: что там слыхать про свободу».

Миша отвечал словами Сергея Есенина:

... Напылили кругом. Накопытили...

Разберемся во всем, что видели,

Что случилось, что сталось в стране,

И простим, где нас горько обидели

По чужой и по нашей вине...

А горько обижали журналистов не однажды, а даже очень часто. И жизненный путь Михаила Великанова далеко не был усыпан розами. Все было: взлеты и падения. Особенно обидно, когда не поддерживало высокое начальство. Что греха таить: пройдя через районные партийные, советские и хозяйственные органы и придя в областных организациях к высоким постам, некоторые не могли простить той критики в областных СМИ, которой они подвергались, будучи руководителями так называемого среднего звена.

К тому же Великанову, ставшему заместителем главного редактора «Рабочего пути», приходилось находить взаимопонимание в коллективе редакции. А журналисты, известно, народ обидчивый, каждый мнит себя талантом. Сократили абзац — уже обида. А если «завернули» материал — трагедия. Но Великанов со всеми, и творческими и техническими работниками, всегда был тактичен, сдержан, внимателен. Действительно, заботился о подчиненных.

Великанов закончил с успехом Московскую заочную партийную школу и заставлял учиться других. Ему присвоили звание Заслуженный работник культуры Российской Федерации. И он оставался все тем же скромным, доброжелательным человеком.

Великанов шел своей дорогой. Его выдвинули заведующим сектором печати обкома партии. В «Рабочем пути» переживали, хотя, конечно же, поздравляли с высокой должностью. Михаил Иванович не утратил связей с газетой, часто писал в «Рабочий путь».

И когда работал уже помощником первого секретаря обкома партии.

Но тут на съезде народных депутатов России Б. Н. Ельцин вдруг лихо воскликнул: «А теперь для разрядки!». И размашисто подписал указ о приостановлении деятельности КПСС. И мы, партийные журналисты, оказались без работы. Нас, словно прокаженных, нигде на работу не принимали. Бывшие партийные и советские работники быстро сориентировались в создавшейся обстановке и при нехватке кадров нашли для себя рабочие места. А о журналистах никто не позаботился.

Не дни, а годы Михаил Великанов был безработным. Но он не пал духом. При встрече со мной бодро произносил фразу, ставшую у нас традиционной: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет...». Раны на сердце, как известно, заживают, но рубцы остаются.

Наконец, он стал помощником депутата Госдумы А. И. Лукьянова, а затем — зам. председателя ГТРК «Смоленск», которую возглавил бывший редактор «Смены», затем собкор «Сельской жизни» И. А. Пузырев. В

последнее время, вплоть до тяжелого заболевания, Михаил Иванович работал в Смоленской городской администрации, затем в горсовете.

С 1993 по 2000 год он возглавлял правление Смоленской областной организации Союза журналистов России и много сделал полезного. Тут и выпуск книг по краеведению, пробивание в СМИ материалов по истории малой родины, по экологии, по проблемам патриотического воспитания молодежи.

Он и сам продолжал писать материалы по разнообразной рабочей и сельской тематике, по морально-нравственным вопросам. С успехом занимался редакторской деятельностью, в частности, редактировал книги бывшего первого секретаря обкома партии И. Е. Клименко, которые выходили солидными тиражами и не залеживались в магазинах.

Перу Великанова принадлежит очерк «Возмездие», в котором рассказывается о прислужнике гитлеровцев, командире карательной роты Тараканове. Под руководством изменника каратели уничтожали безжалостно мирных жителей (не щадя стариков и детей), лояльно относившихся к партизанам. Только на территории одного (подчеркну: небольшенького) района каратели уничтожили 85 деревень. Михаил Великанов с непритворным гневом писал о предателях...

Зато сколько задушевности вложено им в такие слова:

«Встречи ветеранов. Какие это удивительные встречи! Они до краев наполнены искренними чувствами верной фронтовой дружбы, воинского братства, теплом человеческих сердец. Наши отцы и деды собираются, чтобы обнять друг друга, чтобы вспомнить тех, кто не дошел до Победы. Великое слово «однополчанин». И мы, родившиеся после войны, освещены тихой радостью их встреч. И нередко у каждого из нас подкатывал к горлу ком и по щекам катились слезы, когда становились мы свидетелями братских объятий героев войны».

Вот его кредо, философия доброты человеческой, на основе которой зиждились все помыслы и поступки.

Михаил Иванович как-то неожиданно заболел в летнюю пору. Я подумал, что полечится, как обычно, и выйдет на работу. Однако позвонил. Он ответил мне. Сказал, ноги болят. Поговорили, пожелали друг другу здоровья. Я не предполагал никак, что это будет наш последний разговор. Через несколько дней мне позвонил Игорь Пузырев и сказал: «Крепись, старик, Миша умер».

Меня словно молнией поразило. Ведь он еще и до пенсии не дожил. Я слег в постель и много дней не мог прийти в себя. Тяжело терять самых близких и очень добрых по-братски друзей.

Великанов М. Часы своей жизни по сердцу сверяю. Смоленск: Маджента, 2008. С. 291.